

— Э-э... как бы сказать... — Шаньтянь Цылан неловко потер ладони, неуверенно глядя на стоявших позади него дуньинских воинов. Те хмурились и что-то громко выкрикивали на своём языке. Шаньтянь Цылан с выражением беспомощности на лице набрался смелости и произнёс:

— Господин, воины говорят, что мы посланники, отправленные императором Дуньина. Раз уж мы прибыли издалека, разве не следует оказать нам должное гостеприимство? Однако вы держите нас здесь, ограничивая нашу свободу. Разве это подобающее обращение с гостями?

Дуань Минчэнь подумал, что эти дуньинцы действительно не знают меры. Их господин стал подозреваемым в убийстве, а они осмеливаются выдвигать такие требования? Неужели всерьёз полагают, что люди Великой Ци так легко позволят собой помыкаться?

Гу Хуайцин не сдержал насмешливого смешка:

— Дикари, и вам ли рассуждать о гостеприимстве? Пока ваш господин не будет найден, вы никуда не выйдете. Сидите смиренно в гостинице, иначе... будете как это кресло!

Он резким движением ладони ударил по столу. Старинное кресло из красного дерева с резными подлокотниками мгновенно рассыпалось в пыль. Шумные дуньинские воины тут же остолбенели. Красное дерево славилось своей твёрдостью, и разрушить его ладонью было уже нелегко. Но превратить целое кресло в порошок? Это говорило о поистине пугающей глубине внутренней силы.

Дуань Минчэнь, наблюдая, как Гу Хуайцин одним ударом усмирил дуньинцев, внутренне восхитился его мастерством. Однако, раз уж Гу Хуайцин сыграл жёсткую роль, Дуань Минчэнь не прочь был выступить в роли доброго следователя. Он мягко произнёс:

— Прошу вас, не обижайтесь. Дело действительно серьёзное. Убийство принцессы Корё вызвало великий гнев нашего императора, и он приказал нам не упускать никого из причастных. Поэтому прошу вас пока оставаться в гостинице на несколько дней. Если у вас появятся какие-либо сведения о Сяньэ Сюнфэе, немедленно сообщите нам. Как только убийца будет пойман, вы обретёте свободу.

Дуньинцы, привыкшие уважать силу и презирать слабость, уже были напуганы и Гвардией в парчовых халатах, и мастерством Гу Хуайцина. Теперь, когда Дуань Минчэнь высказался столь учтиво, им нечего было возразить, и они покорно замолчали.

Дуань Минчэнь с товарищами покинули Восточный двор, поручив гвардейцам продолжить охрану дуньинцев.

В этот момент к ним подошёл один из гвардейцев и доложил, что тщательный обыск в Восточном дворе не дал никаких особых улик. Также допросили певиц, обслуживавших гостей той ночью, особенно ту, что была с Сяньэ Сюнфэем. Ответ оказался обескураживающим: певица была так измучена в постели Сяньэ Сюнфэем, что потеряла сознание от истощения и ничего не помнила о дальнейших событиях.

Когда Дуань Минчэнь и Гу Хуайцин вышли за ворота гостиницы, на улице уже начинало светать.

Оба провели бессонную ночь, и, несмотря на молодость и силу, на их лицах читалась усталость.

У Гу Хуайцина, с его бледной кожей, под глазами явно проступили тёмные круги. Дуань Минчэнь, глядя на него, мягко сказал:

— Ты тоже провёл тяжёлую ночь. Иди отдохни. Я доложу императору о деле на утреннем приёме.

Однако Гу Хуайцин покачал головой:

— Нет, после такого император, несомненно, будет обеспокоен. Я лучше расскажу ему о ситуации до начала приёма, чтобы он был в курсе.

Дуань Минчэнь, видя его упорство, не стал настаивать, лишь легонько похлопал его по плечу и ушёл. Вернувшись домой, он быстро умылся, переделался в парадное одеяние и отправился во дворец вместе с другими чиновниками.

На утреннем приёме Дуань Минчэнь доложил императору и сановникам о деле убийства принцессы. Сяо Цзин, хотя и был уже в курсе, с трудом сдерживал гнев. Остальные сановники, однако, были возмущены. Дунъин дважды вторгнулся в Корё, и Великая Ци понесла большие потери в войнах с ним. Теперь, когда дунъинцы прислали послов для переговоров, они должны были проявить смирение. Вместо этого произошло такое чудовищное преступление, которое стало пощёчиной для Великой Ци! Многие военные, горячие головы, громко требовали покарать Дунъин и проучить этих наглых негодяев!

Однако некоторые сановники считали, что до поимки Сяньэ Сюньфэя не стоит спешить с обвинениями и тем более начинать войну. Война — дело серьёзное, и две предыдущие кампании уже истощили казну. Дунъин — всего лишь островное государство, и отправка флота для его завоевания потребует огромных затрат. К тому же, завоевание Дунъина не принесёт Великой Ци никакой выгоды — это бедный ресурсами остров.

Две стороны спорили, доводя Сяо Цзина до головной боли.

Общество Великой Ци было открытым, и это отражалось на придворных дебатах. Если император поступал неправильно, его критиковали сановники, а некоторые даже приносили с собой гробы, готовые умереть за свои убеждения. Убийство такого сановника сделало бы императора тираном в глазах народа, поэтому править Великой Ци было нелегко.

Сяо Цзин начал понимать, почему его отец предпочитал проводить время в гареме, избегая придворных заседаний.

Среди шумящих сановников стоял молодой человек в парчовом одеянии с вышитой летучей рыбой. Его спокойствие и зрелость выделялись на фоне остальных. Сяо Цзин поднял руку, призывая к тишине.

— Дуань Айцин, каково ваше мнение? — спросил он.

Взгляды всех присутствующих устремились на Дуань Минчэня, полные как любопытства, так и настороженности.

Дуань Минчэнь вернулся в столицу менее двух месяцев назад. Он был скромен и редко выступал на заседаниях, поэтому сановники мало знали о новом заместителе командующего Гвардией в парчовых халатах. Однако его одеяние с летучей рыбой говорило само за себя.

Дуань Минчэнь спокойно вышел вперёд и произнёс:

— Я считаю, что сейчас главное — поймать Сяньэ Сюнфэя и допросить его, прежде чем принимать решения. Я прошу ваше величество издать указ о его поимке. На данный момент он — главный подозреваемый, и его арест успокоит народ.

Командующий Гвардией Лю Чун поддержал своего подчинённого:

— Дуань Дажэнь прав. После происшествия я уже приказал усилить охрану городских ворот, и каждый, кто выезжает из города, должен предъявить пропуск. Кроме того, Гвардия организовала широкий поиск, и как только Сяньэ Сюнфэй появится, он будет арестован.

— Хорошо! — кивнул Сяо Цзин. — Я поручаю это дело Гвардии. Надеюсь, вы не подведёте моих ожиданий.

Лю Чун и Дуань Минчэнь уже собирались принять указ, как вдруг вперёд вышел начальник Восточной Ограды Вань Чжэнь:

— Ваше величество, это дело слишком серьёзное. Для скорейшего расследования прошу разрешить Восточной Ограде работать вместе с Гвардией.

Лицо Лю Чуна омрачилось. Даже в такой момент Восточная Ограда не упускает возможности урвать свою долю славы!

Однако Вань Чжэнь был старшим сановником, поддерживавшим Сяо Цзина со времён правления его отца, и император не мог отказать ему. Он согласился и произнёс несколько ободряющих слов.

Лю Чун, хотя и был недоволен, вынужден был принять указ и поблагодарить императора.

Дуань Минчэнь же не испытывал особых эмоций, зная, что Вань Чжэнь, скорее всего, поручит это дело Гу Хуайцину. Даже если он не сделает этого, Гу Хуайцин сам возьмётся за расследование.

После окончания заседания Сяо Цзин объявил о завершении приёма, и сановники, трижды поклонившись, покинули зал.

Начальник Восточной Ограды Вань Чжэнь с улыбкой обратился к своему старому сопернику Лю Чуну:

— Его величество возложил на нас важную задачу. Надеюсь, Лю Дажэнь, вы окажете нам поддержку.

Лю Чун лишь фыркнул, не желая тратить время на разговоры с этим коварным евнухом, и вышел из зала.

Вань Чжэнь не обиделся и только протянул вслед:

— Лю Дажэнь, счастливого пути.

Дуань Минчэнь последовал за мрачным Лю Чуном в Северное усмирительное ведомство.

— Вот это наглость! Проклятый евнух! Собака из Восточной Ограды! Ни разу не упустит случая урвать славу! — Вернувшись в свои владения, Лю Чун дал волю гневу, ударив по столу так, что письменные принадлежности подпрыгнули на целый чи.

Дуань Минчэнь налил Лю Чуну чаю и успокоил:

— Господин, не стоит так злиться на таких людей.

Лю Чун, тяжело дыша, взял чашку и выпил её залпом. Вкус чая оказался на удивление приятным, и он с удивлением воскликнул:

— Что это за чай? Такой ароматный!

<http://bllate.org/book/16283/1466836>